

«А теперь перейдем к военной сводке.

Сегодня в семнадцатый сектор вторглась группа беспилотных имперских машин, известных как Легион. Силы вторжения были перехвачены и уничтожены беспилотными дронами армии Республики, Собаками. Потери со стороны Собак в сражении составили пятьдесят процентов, из-за чего отряд был вынужден отступить для замены резервом. В результате сегодняшний день также обошелся без людских потерь».

□

На главной улице столицы Республики Сан-Магнолии, Либерте-эт-Эгалите, было так мирно и красиво, что тяжело поверить, будто страна находится в состоянии войны вот уже девять лет.

Да, синтетическая пища имела более мягкий вкус, чем натуральная. И запланированные отключения электроэнергии, вызванные постоянным дефицитом одной, не давали уличным фонарям на тротуаре в полной мере исполнить свою роль. И еще эти затмевающие небо силуэты небоскребов, неприглядных и наспех построенных, для беженцев со всех стран.

Но граждане собирались группами на каждый район, заботились и поливали цветочные клумбы и придорожные деревья, чтобы они оставались зелеными. На углах улиц кипела жизнь, всюду гуляли граждане всех цветов и оттенков.

Девочка, чьи глаза сверкали подобно источнику жизни моря, шла с родителями, взявшись за руки. По улице прокатился ее смех. Они принарядились. Быть может, шли на некое торжество? Или, возможно, просто устроили турне по административному сектору?

Провожая взглядом трогательную семью, Лена улыбнулась и отпила латте из бумажного стаканчика. Она остановилась на одной из площадей столицы, когда возвращалась из школы. Над выключенным фонтаном работал голографический экран, показывающий новости, где девушка-диктор из Топазов продолжала комментировать военную ситуацию приятным голосом:

«Боевая система Республики, благодаря которой сражения оставляются дронам, а для командования с передовой используется лишь малая часть персонала, продолжает защищать нашу страну. Стоит отметить, в настоящее время поддерживаются контакты с Объединенным королевством Роа Грация, Альянсом Вальде, Великим Герцогством Китира, Святой теократией Ноирьянорусе, а также Торговой федерацией Рин-Лю, Странами Флота Цареубийц и Союзом Гиаде. Все силы удерживают линии обороны или укрепляют позиции. Разведка из Союза докладывает, что странам восточнее пустыни также удастся удерживать рубежи».

За два месяца с начала войны Республика потеряла большую часть своих земель, и с тех пор Легион окружает страну вот уже девять лет. Но в последние годы их численность пошла на убыль. Может, на них начал влиять неизменный срок службы, встроенный в них в качестве меры безопасности. Сильные электромагнитные помехи Легиона также постепенно ослабевают, что позволило радарам выявить все вражеские машины на всей их территории.

Республика едва смогла установить связь с другими странами за линией осады. Их выживаемость подтвердилась: изоляция никуда не делась, но оборону они удерживали. Мало-помалу они отвоевывали утерянные земли.

Как и родина Лены, Республика Сан-Магнолия.

Диктор подчеркнула слова красивой улыбкой и продолжила говорить с оттенком гордости:

«Допускается, что мы уничтожим Легион до того, как через два года машины перестанут функционировать. Все благодаря нашим Собакам — с их помощью мы добились настоящего поля боя без потерь. Хотя мы участвуем в войне на защите родины, нашим гражданам не нужно оплакивать потерю любимых. Это поистине радостное положение дел».

«Однако... — заговорил другой человек, теперь уже из Алебастр. Перед ним лежала именная табличка комментатора. — ...Думаю, нам не стоит забывать, что изначально искусственный интеллект Собак создавался не для битв, а чтобы стать другом для нас, людей. Они были рождены, чтобы любить нас, и у них есть сердца, пусть и отличные от наших. Мы даем им сражаться на войне за нас».

Диктор наклонила голову набок. Не из сомнения или негодования, а чтобы побудить его продолжить.

«В основу Собак легла менее развитая версия прототипа ИИ, F008. В отличие от прототипа, они не запрограммированы на чувствительность и эмоции...»

«Это так, но что тогда получается, мы должны говорить, будто нам все равно? Просто потому, что они — машины? Просто потому, что они не испытывают чувств? Просто потому, что они — не люди? Если именно это считать причинами отправки их в бой вместо нас, можно ступить на скользкий путь. В один прекрасный день мы можем решить, будто нам позволено делать то же самое с теми, кто разговаривает на другом языке, или людьми иной культуры. Можем принудить других проливать кровь и слезы вместо нас... Да, Сомма-сан, вы сказали чуть ранее, что нет необходимости оплакивать потери, но вот один ребенок точно скорбит по Собакам».

Диктор серьезно кивнула.

«Ребенок разработчика F008. Тот, кто просил не забирать его друга на поле боя».

«Именно. Сейчас идет война, и как раз поэтому мы обязаны не забывать доброту ребенка. И именно этого духа пятицветного флага должны придерживаться мы, жители Республики...»

— Ох, прости, прости! Я заставила тебя ждать, Лена.

Голос вдруг оборвал диалог программы, а его владелица помчалась к Лене.

— Ну тебя, Рита. Как бы сказать... Ты же постоянно немного опаздываешь?

Лена мрачно посмотрела на Риту — одноклассницу Анриетту Пенроуз — пока та продолжала кланяться в знак извинений. Она носила тот же пиджак цвета берлинской лазури, что и Лена, поскольку они ходили в одну школу, а с ее сумки свисала странная мягкая игрушка. В свободной руке она держала бумажный пакет с логотипом канцелярского магазина из ближайшего торгового центра.

Лена в этом пакете угадывала подарок. И, судя по темно-коричневой оберточной бумаге, от которой веяло скорее спокойствием и зрелостью, а не безвкусицей, подарок однозначно предназначался не для юных девушек, вроде Лены или Риты.

— О, это? Подарок на день рождения того, кого ты не знаешь. А раз ты с ним не знакома, то я подумала, что будет неправильно тащить тебя с собой. А сама там застряла с выбором намного дольше, чем рассчитывала.

— Для друга детства, что ли? Он еще в другой школе учится?

— Тот самый... С Шином можно сойти с ума. Он говорил, что хочет поступить в отдаленную школу, потому что там преподают предметы, которых нет у нас, но эта отговорка — на самом деле большая ложь. Я знаю наверняка, он не выбрал нашу школу, потому что его брат пошел в другую. Временами он еще такой ребенок.

— Ага-ага.

Лена равнодушно покивала — все-таки она никогда не виделась с этим другом детства — и сделала еще один глоток кофе, прежде чем наклониться вперед.

— Как насчет перестать хвастаться им все время и наконец познакомить меня с ним?

— Ни за что, — сказала Рита. Она отвернулась излишне драматично. — Ты слишком красивая, Лена. Еще украдешь.

— Я не собираюсь заигрывать с парнем моей лучшей подруги.

— Ч-ч-что?! О-он... никакой он мне не парень! — ненароком выкрикнула Рита.

Ее лицо стало как яблоко. Она покраснела до кончиков ушей, за которые была заведена прядь красивых серебряных от природы волос, таких же, как у Лены. Пока Лена ухмылялась, Рита оторвала от нее серебристые глаза и добавила тоненьким голоском:

— Пока еще...

— Видишь?

□

Шин готовился выйти на улицу, когда услышал из гостиной внизу отрывок новостной программы, и скорчил мину.

«...но вот один ребенок точно скорбит по Собакам».

«Ребенок разработчика F008. Тот, кто просил не забирать его друга на поле боя».

«Именно. Сейчас идет война, и как раз поэтому мы обязаны не забывать доброту ребенка».

— Почему им не забыть уже про это?.. — проворчал он, пусть даже его слова не услышат ни диктор новостей и комментатор по другую сторону голографического экрана, ни родители в гостиной.

Если оставить сложные вопросы о дискриминации машин, поскольку те — не люди, другая часть истории происходила из его детства. И она стала анекдотом, который часто упоминали в рассуждениях о плюсах и минусах использования ИИ для войны. Сейчас как раз идет война против автономных дронов, называемых Легионом, поэтому эта тема среди людей Республики обсуждается намного чаще остальных.

Зато теперь Шин постоянно слышал, как люди — сюда же входили совсем незнакомцы — цитировали его слова из далекого детства в контексте вдохновляющих, похвальных фанфар. Ему это так осточертело, что он едва ли не ненавидел новостные программы и трансляции обсуждений.

Даже сейчас Шин не считал здоровой идеей посылать Собак в битву только потому, что они — машины, или что Республике приходится это делать в разгар войны. Но его истерики и плач отцу остались в прошлом, и он желал, чтобы мир наконец забыл этот эпизод жизни.

И оглядываясь назад сейчас, он понимал, что отец в обычных условиях не согласился бы на разработку Собак. И будь Шин на его месте, он сомневался, что тоже согласился бы дать миллионам умереть в угоду Собакам.

— ...

Он невольно вздохнул, а потом услышал смех брата в соседней комнате.

— О чем вздыхаешь, Шин?

— Заткнись.

— Идти на свидание с кислой миной на лице — дурной тон. И позволь мне сказать: если заставишь малышку Риту плакать, я разозлюсь прежде, чем Джозеф достанет тебя.

— Я говорил уже, это не свидание. Кроме того, с чего тебе-то злиться?

Одно дело Джозеф, отец Риты, но с чего Рей, сосед по комнате, думает, будто имеет право злиться на Шина? Бесстыжий.

— Ну, Рита — подруга детства моего братишки, а значит мне она кто-то вроде сестренки... — Казалось, брат ухмыльнулся. — И кто знает, может она и станет мне сестрой. Да, Шин?

Шин громко цокнул. Он этого не осознавал, но делал так только перед братом.

— Эх, заткнись просто. Ты бесишь. Не синхронизируйся со мной сегодня.

— Чего? Шин, значит... — хотел он что-то сказать, но Шин оборвал его.

Брат находился в соседней комнате, а не в одной с Шином. Дверь в комнату Шина была открыта, но в комнату брата нет, а между ними в стенах окна не пролегали. Они общались через способность, передаваемую из поколения в поколение по материнской линии — это была сила разделять и передавать мысли и чувства между кровными родственниками.

Джозеф фон Пенроуз, их сосед и коллега отца из университета, потратил десятилетие на исследование технического воссоздания этой способности. Но эксперименты по большей части были предлогом для Шина, Рея и остальных студентов в университете заработать карманных денег, потому что исследования плодов не дали.

Отец был единственным членом семьи без этой способности, отчего он чувствовал себя обделенным и активно поддерживал стремление Джозефа воспроизвести способность.

От громких крокодильих слез брата из-за холодного приема (его было слышно через стены, хотя они в поместье Ноузенов были довольно толстые, и, если не сорваться на крик, уже в соседней комнате не будет слышно ни единого шума) Шин с раздражением поднялся на ноги. Чем больше он общался с братом, тем сильнее тот его дразнил. И в последнее время Шин разбирался с беспокойным братом одним способом: просто оставлял его.

О, но...

— Файд, пригляди тут. И позаботься о Рее, договорились? Он все не научится вести себя по-взрослому, как подобает его возрасту.

Механическая собака в углу комнаты, точно хорошо дисциплинированная гончая, ответила энергичным вилянием хвоста.

□

Шин вышел из дома под взглядами родителей и брата — тот вышел из своей комнаты как бы невзначай — из гостиной. Он направился было к дому по соседству, когда перед воротами остановился скутер с логотипом сервиса доставки на дом. С него слез паренек.

Он, наверное, отвечал за доставку в этом районе, потому что Шин часто видел его то тут, то там. Парень был высоким, с короткими волосами стального цвета и того же цвета глазами. Также он вроде как одного возраста с Шином. И однажды Шин увидел его в школьной форме, значит он, скорее всего, работает на полставки доставщиком.

— Йо. У меня тут посылка для вас. Можете принять?

— Ага...

Он собирался уходить, но спешить было ни к чему. Шин принял конверт и передал Файду, который вышел проводить его, — механическая собака взяла конверт в рот, затем потопала обратно в дом и позвонила в дверь передними лапами, чтобы его пустили внутрь. Шин расписался в получении.

— Спасибо за доставку.

— Вам спасибо.

Файд вернулся и сел у ворот, доставщик же сел на скутер, помахал на прощание рукой и уехал. Проводив его взглядом, Шин открыл ворота и ушел.

□

Десять лет назад Либерте-эт-Эгалите заселяли в основном Селены. Но девять лет назад здесь начали активно принимать беженцев, что являлось долгом для столицы. В результате город изобиловал гражданами разных оттенков, как у их дальнего соседа, Союза Гиаде — многонациональной страны на протяжении многих поколений.

Перед статуей Святой Магнолии мальчик из Джейдов с кукольными чертами лица играл на виолончели. Мимо проходила девушка с длинными серебряными волосами: она поделилась мороженым, скорее всего, со своим парнем. Судя по лазурным глазам, она имела смешанное происхождение Альбы и Целесты.

Возле Шина прошла группа школьниц, громогласно щебечущих, точно стайка птичек. Одна девушка с каштановыми волосами Агат и золотистыми глазами Топаз смеялась более высоким и ясным голосом, чем остальные. Рядом шла другая группа, только теперь это были шумные старшекласники, и в центре у них выделялся парень из Сапфир.

На придорожных деревьях росли апельсины, отчего они становились дешевой натуральной пищей. Один парнишка из Рубисов шел мимо как раз таковых, неся пакет с апельсинами: когда несколько выпали, он в панике развернулся. На него посмотрели парень в очках (Альба) и девушка с глазами разных цветов — темно-синего и белого как снег. Девушка, по-видимому, с младшей сестрой собиралась зайти в магазин, но остановилась и помогла собрать выпавшие апельсины.

Мужчина средних лет из Алебастр и женщина из Гелиодор сидели на террасе ресторана вместе с молодой светловолосой девушкой, судя по всему, их дочерью. Другая девушка с волосами черного, как у чернил, цвета — скорее всего, Ориента, весьма редкий гость в Республике, — которые подвизывались в конский хвостик, подманивала котят ломтиком колбасы, чтобы потискать их.

Мимо прошла молодая женщина из Джетов, кажется, на несколько лет старше его. Ее туфли стучали по асфальту, когда внезапно высокий каблук за что-то зацепился. Она почти упала, но Шин машинально протянул руку и удержал. Она улыбнулась и коротко поблагодарила. Его сердце пропустило удар. Чувствуя эту несобранность, женщина улыбнулась уже по-другому — в улыбке появилось больше озорства.

— Глядите-ка, как принарядились, мил человек. Свидание?

— Нет.

Но женщина словно и не слушала. Выбрав один цветок из букета в руках, она протянула его в преувеличенной манере. Этот был результатом многолетней селекции, несмотря на все сомнения по поводу возможности такое сотворить, — современная роза с бледно-голубыми лепестками.

— Примите в качестве благодарности. Удачи на свидании.

— Я же сказал, это не свидание.

Но женщина не слушала. Она сунула розу в руку и побрела себе дальше, будто весенний ветерок, оставив Шина недоумевать.

□

Как Шин и ожидал, когда он показался в месте встречи, Рита поприветствовала его странным

выражением лица.

— Что это? Кто заложил эту идею в твою голову? — Она взглянула на голубую розу в руке Шина, которую тот продолжал держать, потому что не знал лучшего применения.

— Мне просто, э, подарили его... Хочешь? — произнес Шин, протянув ей цветок.

Рита посмотрела на него так, словно была сыта по горло.

— Знаешь, Шин... Тебе не следует дарить девушке что-то, полученное от другой женщины.

— ...

Шин задался вопросом, а откуда она узнала такие подробности. Но Рита почувствовала на нем аромат женского парфюма — и не того, каким пользовалась его мама. И совершенно ясно, что аромат не источала голубая роза, ведь та хоть и пахла, но слабо. Нет, это однозначно был запах нарциссов.

«Ну...»

Она довольно хорошо знала Шина и понимала, что его резкость — фасад, а за ним он мягкосердечный. Вероятно, кто-то что-то уронил, он подобрал, а вознаграждением стал этот цветок. Поэтому она все-таки приняла розу, которую тот беспомощно тянул ей.

— Я все равно возьму... Красивый, как-никак.

Шина мало волновали цветы, но он посчитал, что Рите может понравится, и потому не выкинул его по пути. Это сделало ее немного счастливее.

□

Вручить подарок на день рождения было одной из причин пригласить Шина пойти с ней. Другая — она хотела посетить одно дорогое кафе, но оно было совсем уж дорогим для нее самой. Но зато скидки для парочек есть.

Кроме того, дома вручать подарок ей было неловко. В конце концов, отец стал больно нервным из-за повзрослевшей дочери, а Рей, хоть и был постарше, чересчур радовался возможности поизмываться.

— М-м, вкусно.

— Вкус крема и фруктов внутри такой натуральный... Хотя синтезированные продукты питания на заводах получаются уже настолько хорошими, что ощущаются как настоящая роскошь.

Рита радостно уплетала торт с синтезированными соусом манго — манго росли только на юге континента, а потому на войне их было не достать — и кремом. Шин, сидя напротив, ел то же самое. Тогда-то он и выдал это краткое мнение, от которого она понурилась плечи.

— Шин, не говори такое, когда я ем что-то действительно вкусное.

— Почему нет? Я же похвалил.

Рита раздраженно отвернулась, и ее глаза встретились с мужчиной средних лет за соседним столиком. Он элегантно потягивал чашку кофе. На его лице виднелся шрам, и выглядел он как высокопоставленный военный в отпуске. Он мягко улыбнулся.

На террасе кафе на полу из плитняка поставили складные столики. Улицы цвета слоновой кости усеивали сложенные в это время дня зонтики, похожие на распускающиеся бутоны на фоне голубого неба. Народ передвигался точно бабочки, прячась в тенях цветков.

Немолодой солдат из Селен пил кофе в одиночку. Парень — Селена и Гелиодор — и девушка из Алебастр сидели за открытыми тетрадами. Другой столик заняла парочка Аventura и Сапфира. В одном месте собралась группа парней и девушек — кажется, родственники — из Меридиан. Между столами ходили официантка Адулярия и официант Пироп.

— Скажи, Шин...

Снова посмотрев на него, Аннет заговорила:

— Скажи... такой мир был бы лучше?

Внезапно все вокруг исчезли. Бесчисленное множество незанятых столиков, отбрасывая бледные тени на уже немощный плоский пол, стояли под небом, затянутым молочного цвета туманом. Неестественные четкие тени лежали в соответствии с направлением света.

Аннет не успела опомниться, как обнаружила себя в белом халате поверх формы цвета берлинской лазури. Контраст между ними по какой-то причине вогнал ее в тоску.

— Ну... такой мир пришелся бы мне по душе, я думаю, — ответил Шин.

Он был одет в камуфляжную полевую форму. Она как будто переливалась, точно игры света на воде: в разбросанных участках отражалась то эта форма, то Союзная цвета стальной синевы, то пилотная. Она видела несколько не особо заметных шрамов — и одну огромную отметину на

шее, похожую на шрам от обезглавливания. Она не знала, как он его получил.

— Было бы хорошо, если бы у нас ничего не забирали. Если бы мы ничего не теряли. Если бы не пришлось страдать. В таком мире, где каждый был немного добрее друг к другу, мне нет нужды становиться Богом Смерти.

Ему никогда не пришлось бы обучаться пилотированию фердреса. Или учиться стрелять из пистолета или штурмовой винтовки. Ему не нужно было бы самостоятельно познавать, как избавляться от эмоций или запирает сердце. Талант к сражениям, которого он никогда не желал, мог не просыпаться в нем до конца жизни.

И, что более важно, ни одному товарищу, с кем он сражался, не пришлось бы погибать в восемьдесят шестом секторе без надежд на будущее или могил. И воспоминания о каждом не были бы ограничены лишь алюминиевыми надгробиями и слишком скромным обещанием Шина нести за собой всех до конца.

Однако... Пусть так...

— В том мире я никогда не встречу с некоторыми людьми. И не испытаю определенные моменты из жизни, не услышу однажды произнесенные слова. Вот почему я не могу сказать, что тот мир лучше...

Аннет улыбнулась, отметив про себя, что именно так бы и ответил Шин. Вместе с тем она почувствовала, как сердце наполняется одиночеством. Даже тени столов начали таять, и она не могла разглядеть выражение лица парня напротив.

Но каким-то образом она знала: на его губах заиграла легкая улыбка. Слабая улыбка того, кто подавляет боль и душит слезы.

— Я не могу сказать, что мне было бы лучше в другом мире.

Аннет мягко улыбнулась.

— Да...

□

— Ты прав.

Шепот разнесся по комнате в первых бараках на основной базе. Моргнув пару раз, Аннет села на кровати. Ее спальное место было немного роскошнее тех, что отвели процессорам на нижних этажах. Даже Аннет, выросшая благородной дочерью, ощущала простор. Кровать

располагалась в большой комнате полевого офицера.

Надо ли говорить, но Шина здесь не было. Аннет воспользовалась одиночеством и ухмыльнулась. Ее волосы оставались нечесаными.

Мог ли такой мир быть лучше? Она не могла вообразить себе.

— Когда же до меня наконец дойдет, что пора сдаться?

□

«Странный сон», — подумал Шин, когда посмотрел на ставший привычным потолок в его комнате на основной базе. Комнаты ротных офицеров — другими словами, людей вроде Шина — здесь были простыми и с минимумом предметов интерьера. Но это была новая база: ее строили надежной и прочной.

В сравнении с бараками восемьдесят шестого сектора — потрепанные погодой и шаткие настолько, что шел сквозняк, и протекала крыша, а также едва укрывали от непогоды, — это место выглядело даже роскошно.

Роскошно до такой степени, что, впервые сюда заселившись, Шин не мог свыкнуться и чувствовал себя некомфортно. Оглядываясь назад, он понимал, что его душа все еще не может покинуть поле боя.

Все еще не может покинуть восемьдесят шестой сектор.

И тем не менее он привыкал к виду потолка. К самой комнате. Сейчас он уже не отказывался желать счастья, желать будущего, которого некогда боялся.

Да, в какой-то момент поле боя восемьдесят шестого сектора вдруг стало казаться очень далеким. Таким далеким, что мечтаешь об иллюзии мирных дней в Республике, о давно угасших воспоминаниях...

В том мире никому из товарищей не пришлось бы погибать. Ни его родителям и брату. И одна только эта мысль заставляла сердце болезненно биться.

— Я не хочу говорить так об этом мире... Теперь не хочу.

□

Больше он не мог заявлять, будто людям этого мира и всем мириадам столкновений лучше

кануть в небытие. Теперь он понимает, что не может беспечно отвернуться от мира... каким бы жестоким и беспощадным он ни был.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2030803>